

**Шинкевич Владимир Ефимович
Shinkevich Vladimir Yefimovich**

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры социологии Сибирского федерального университета доктор социологических наук, доцент.

Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Sciences of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Social Sciences of the Siberian Federal University, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor.
E-mail: vlashink@yandex.ru

**Логина Надежда Геннадьевна
Loginova Nadezhda Gennadevna**

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Siberian Federal University, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: nadlog71@mail.ru

**Гришин Виктор Сергеевич
Grishin Viktor Sergeevich**

помощник прокурора Свердловского района г. Красноярска юрист 3 класса.

Prosecutor Assistant of Sverdlovsky District of Krasnoyarsk, the 3rd Class Lawyer.
E-mail: vic.grishin2016@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ДАННЫХ О СОВЕРШЕННОМ
ИЛИ ГОТОВЯЩЕМСЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ, СТАВШИХ ИЗВЕСТНЫМИ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЮ НА ИСПОВЕДИ, КАК ЗАКОННОГО ПОВОДА
ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

**To the question about the legal assessment of data about a committed or preparing
crime, which have been known to the to the clergyman in confession,
as a legal ground for initiating a criminal case**

В статье поднимается одна из актуальных моральных проблем – нравственная оценка использования информации органами предварительного следствия, полученной священнослужителем в процессе таинства исповеди, о готовящемся или совершенном преступлении, а также светской и религиозной оценке возможного сообщения священнослужителем подобной информации о преступлении. Проблема рассматривается в историческом контексте светской и религиозной практик, светского и религиозного сознания. Существенное место в статье уделено нравственной и правовой оценке возможности использования информации, полученной в ходе исповеди, как законного повода для возбуждения уголовного дела и начала уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: таинство исповеди, священнослужитель, информация, преступление, повод для возбуждения уголовного дела, нравственная оценка, правовая оценка.

One of the urgent moral problems is discussed by authors. The problem of a moral assessment of the use of information by the preliminary investigation bodies received by the clergyman in the process of the sacrament of confession about a forthcoming or committed crime is obtained. The secular and religious assessments of the possible the information about the crime by the clergyman is given. This problem is considered in the historical context of secular and religious practices and secular and religious consciousness. A significant place in the article is devoted to the moral and legal assessment of the possibility of using the information obtained during confession as a legal ground for initiating a criminal case and initiating criminal proceedings.

Keywords: sacrament of confession, clergyman, information, crime, legal ground for initiating a criminal case, moral assessment, legal assessment.

На протяжении многих веков религия и право шли бок о бок, порой конкурировали в сфере определения ценности человеческого существования, порой разграничивали сферы регулирования общественных отношений, порой дополняли друг друга в обеспечении общественного порядка, принятия мер воздействия к тем, кто нарушает правила и нормы поведения, принятые в социуме. В сферу интересов философов, правоведов, социологов, политологов попадали и попадают проблемы соотношения религии и права, института религии и института государства, роли культивирования или отказа от религиозных культов в жизни общества, в развитии и сохранения национальных традиций, соотношения феноменов морали и нравственности в социуме. Данные вопросы актуальны. Они и сегодня требуют пристального изучения в целях «...необходимости правового регулирования складывающихся общественных отношений» [1, с. 91–92].

Практически во все века священники оказывали значительное влияние на правосудие, на формирование системы правовых предписаний определения виновности или невиновности человека, попавшего в руки правосудия. По заключению Жоржа Бернарди: «Жрецы были хранителями законов, ... правосудие было доверено им, чтобы оно исходило от божества» [2, с. 4]. Особенное влияние на реализацию правосудия в обществе имели священнослужители средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из церковных и судебных документов той эпохи, исторических сочинений и художественной литературы.

Однако в условиях Нового времени церковь значительно снизила, а в отдельных государствах и утратила свои лидерские позиции при осуществлении правосудия. В условиях эпохи капитализма она была удалена от практических светских дел общества, все чаще наделялась функциями института государства лишь в сфере духовного, нравственного, а порой и идеологического воспитания подданных или граждан. Хотя за ней и оставалось закрепленным исполнение таких сугубо государственных задач, как: регистрация брака, рождение детей, факта смерти; исполнение некоторых функций в системе образования, как правило, начального. Такой процесс был характерен для многих стран всех континентов земного шара.

Вместе с тем для верующих людей, особенно христиан (католиков, православных) на все времена было и остается одних из значи-

мых таинств – таинство исповеди. Человек верующий, совершивший правонарушение или просто недостойный поступок по отношению к другим, обществу, государству, не желающий делиться этим душевным грузом с социальным окружением, даже самым близким, не всегда, но иногда, ища душевной защиты у священника, может делиться и своими переживаниями. Человек, у которого все хорошо и прекрасно, навряд ли готов к исполнению такого таинства, чаще всего это те, кто реально ощущают и осознают низость содеянного, находятся под воздействием такого общественного феномена, которым наделен человек, как совесть. В этой ситуации как не вспомнить замечательные строки стихотворения Е. Евтушенко «Муки совести», красноречиво указывающие на то, что даже человеку, потерявшему свою честь, сложно найти компромисс со своей совестью. К сожалению, сложно подсчитать количество фактов исповеди, где реально шел разговор о содеянном или готовящемся преступлении, решение об определении виновности и вынесении наказания, по которому должен принимать специальный судебный орган, чаще всего это те проступки, за которые человек несет моральную ответственность перед собой и обществом, близким и дальним социальным окружением.

Информацию в процессе исповеди прихожанина получает священник. Что ему с этой информацией делать, простить и благословить прихожанина, отпустить ему все грехи и отпраздновать с миром, проводив словами «Бог простит!»? Но кто поможет тем, в отношении которых было сделано «зло» этого прихожанина? Ведь они также часто ищут духовной защиты у Бога. Сохранить тайну исповеди и жить самому с этой тайной либо помочь правоохранительным органам и тем, кого касается эта тайна. Гипотетически возможен и другой вариант поведения священника. Нарушить долг священника или исполнить свой гражданский долг – вопрос глубокого нравственного содержания. Думается, что в каждом конкретном случае любой человек не должен прикрываться требованием закона, инструкции, рекомендации или другого нормативного документа. В каждом конкретном случае в условиях морального выбора человек самостоятельно должен сделать свой выбор, но этот выбор должен быть морально оправданным. Среди десяти христианских заповедей, которые, согласно Пятикнижию, были доведены Моисею

самим Богом, есть заповедь «Не убий», но и эта заповедь в условиях морального выбора не всегда соблюдалась. Например, сегодня сотруднику полиции в определенных условиях разрешено применять оружие.

Актуальным остается и вопрос свидетельского иммунитета священнослужителя, в случае получения информации в процессе исполнения тайны исповеди. В современных обществах вопрос о том, давать или не давать свидетельские показания об известных обстоятельствах уголовного дела представляет собой гражданский и нравственный долг, а также юридическую обязанность каждого гражданина. Вместе с тем из этого общего правила законодателем сделан ряд исключений. В отдельных случаях законодатель предоставляет гражданам возможность принимать решение самим давать показания или отказаться от дачи показаний, пояснений и пр. Например, при производстве допроса разъяснение положений, закрепленных в ст. 51 Конституции Российской Федерации не исключает возможности дачи показаний. В иных же случаях прямо запрещает органам предварительного расследования и суду требовать и получать такие показания от определенных категорий лиц. Так, в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ священнослужитель не может быть подвергнут допросу об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Однако, сталкиваясь с проблемой нравственного выбора, священнослужитель, узнав о готовящемся или совершенном преступлении, впоследствии сообщает об этом в правоохранительные органы, как отнестись к этой информации. Как воспринимать данную ситуацию? Могут ли быть такое сообщение и содержащаяся в нем информация законным обстоятельством для принятия решения о возбуждении уголовного дела?

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ одним из поводов для возбуждения уголовного дела служит заявление о преступлении. С одной стороны, очевидно, что положения данной статьи не содержат запрета на прием заявления от духовных лиц, в том числе, и в случае получения ими информации в ходе исповеди. С другой стороны, за ними остается право и не предоставлять эту информацию, в чем собственно и будет проявляться иммунитет, и ответственности за укрывательство преступления они не понесут, равно как и лицо, не сообщившее о совершении преступления супругом или близким родственником (ст. 316 УК РФ).

В целях дальнейшего исследования указанной проблемы обратимся к этимологии слова «исповедь», определимся с тем, что есть исповедь и рассмотрим данную категорию более подробно. Исповедь – это религиозный термин, означающий раскрытие всех своих грехов перед богом через священнослужителя.

Исповедь – одно из важнейших религиозных таинств в христианстве. Похожий, но не идентичный институт покаяния имеется в авраамических религиях – иудаизме и исламе, где данный духовный акт носит название «виддуй» и «тауба». Признаком исповеди является ее тайна, а гарантированное право на нее дает священнослужителю иммунитет на неразглашение ставших ему известными из сугубо конфиденциального духовного общения сведений [3, с. 1]. Однако иммунитет и право священнослужителя как гражданина на передачу ставшей ему известной информации о совершенном и особенно о подготавливаемом преступлении не находятся в противоречии. Священнослужитель не будет привлечен к ответственности, но гражданский долг – это тоже долг. Смысл таинства не изменится, к священнику идут далеко не убийцы и насильники, чаще «заблудшие» люди. Священник не доноситель, он сам в условиях морального выбора может принять решение в соответствии со своими убеждениями. Этот смысл заложен и в п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4]. Невозможность привлечения к ответственности священнослужителя за отказ от дачи показаний и его право как гражданина – не вступают в противоречие. В Великую отечественную войну очень часто люди, имеющие броню, отказывались от нее и уходили на фронт. Они видели свой гражданский долг именно там, на передовой. Хотя очень сложно однозначно оценить правильность и профессиональную целесообразность данного выбора. Возможно, на эту проблему надо посмотреть и под таким углом зрения. Не всегда категоричность в наших делах имеет нравственный смысл, последствия могут выйти за грань нравственных отношений.

Также в развитие вышеизложенного рассмотрим Определение Конституционного суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 108-О, из которого следует, что указанные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ лица могут быть допрошены в качестве свидетелей при заявлении ими соответствующего ходатайства. Невозможность до-

проса указанных лиц – при их согласии дать показания, ... приводила бы к нарушению конституционного права на защиту и искажала бы само существо данного права [5].

Из указанной правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации следует, что свидетельский иммунитет «...не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким иммунитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются» [6, с. 191, 192], но, справедливости ради, нельзя не отметить, что в таком случае, исходя из канонических предписаний и традиций церкви, священнослужителя уже сложно будет называть священнослужителем, его деятельность перестанет соответствовать не только каноническим предписаниям, устоям и традициям церкви, но и самой сути и духу служения.

Гарантии исповеди закреплены не только в светском законодательстве, но они имеются и во внутренних установлениях самих религиозных объединений, а также в канонических нормах права, которые налагают на священнослужителей обязанность воздерживаться от действий, связанных со злоупотреблением доверием прихожан, что является несовместимым с их духовным статусом [7]. Тайна исповеди нерушима, поэтому духовнику строжайшим образом запрещается выдавать кающегося словами или каким-либо иным способом и по какой бы то ни было причине [8]. Канонически правила исповеди оформились даже не в Новое время, а гораздо раньше – в условиях полного и нераздельного главенства Церкви как в делах духовных, так и в светских, когда Церковь имела право и наказывать, и прощать, безвозмездно, а порой и возмездно, отпускать грехи, с этим и связана и строгость требований. Законы развития общественной мысли, а равно и духовной, указывают на то, что они должны развиваться в соответствии со временем, отражать динамику и особенности переживаемого периода. Современное право, хотя и имеет исторические корни, уходящие в древность, все же оформилось гораздо позже, о чем свидетельствует история права.

Справедливо будет обратиться и к отечественным каноническим правилам, а также исключениям из них, поскольку в истории Российского государства тайна исповеди не всегда воспринималась как абсолютная. В строго

определенных случаях допускались исключения. В принятом в 1721 г. духовном регламенте разрешалось разглашение тайны исповеди по отношению к тем, кто замышляет государственное преступление. Духовный регламент обязывал священнослужителей раскрывать тайну исповеди, если злоумышленники, «объявляя намеренное зло, покажут себя, что не раскаиваются, но ставят себе в истину и намерения своего не отлагая, не яко грех исповедуют» [9]. В более поздних документах находим следующее: «...ныне все сказанное на исповеди сохраняется в тайне, за исключением таких случаев, когда сокрытие грозит опасностью монарху, императорскому дому или государству» [10].

Из вышесказанного следует закономерный и логичный вопрос: может ли сегодня священнослужитель вопреки воле исповедующегося лица передать полученные из исповеди сведения об уже совершенном преступлении или для предотвращения готовящегося? Можно ли такое сообщение, и содержащиеся в нем сведения считать законным поводом для возбуждения уголовного дела? В сложившейся ситуации не лишен логики и закономерный вопрос о том, не возникает ли противоречие между правом на тайну исповеди и гражданским долгом служения человека к земному отечеству? С уверенностью можно сказать лишь о том, что нравственный долг священнослужителя по предотвращению готовящегося преступления либо сообщения о ранее совершенном преступлении не должен быть превращен в юридическую обязанность, которая возлагается на священнослужителя государством. Определение конкретных рекомендаций должно определяться внутренними нормами самих религиозных организаций и объединений, касающихся действий священнослужителя в подобных случаях. Возможна и иная ситуация, когда в ходе расследования уголовного дела следователю становится известным факт о том, что подозреваемый накануне совершения преступления исповедовался у священнослужителя. Обязан ли следователь допросить священнослужителя, обязан ли священнослужитель раскрыть тайну той исповеди? Следователь имеет право лишь допросить по обстоятельствам дела. Священнослужитель же имеет право и не раскрывать содержание исповеди, тем более возможно она и не касалась совершенного прихожанином преступления. Если же шел разговор в процессе таинства о готовящемся

ся преступлении, а священнослужитель не предотвратил это преступление, не нашел необходимых слов, чтобы переубедить исповедующегося, то это более говорит о низком профессионализме священнослужителя. Полагаем в настоящее время в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви закреплена социально ответственная рекомендация при возникновении рассматриваемых ситуаций: «Без исключений и при любых обстоятельствах свято сохраняя тайну исповеди, пастырь одновременно обязан предпринять все возможные усилия для того, чтобы преступный умысел не осуществился. В первую очередь, это касается опасности человекоубийства, особенно массовых жертв, возможных в случае совершения террористического акта или исполнения преступного приказа во время войны. Помня об одинаковой ценности души потенциального преступника и намеченной им жертвы, священнослужитель должен признать исповедуемого к истинному покаянию, то есть к отречению от злого намерения. Если этот призыв не возымеет действия, пастырь может, заботясь о сохранности тайны имени исповедующегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность. В трудных случаях священнослужителю надлежит обращаться к спархиальному архиерею» [11, с. 52–53]. Здесь также акцент делается на возможность морального выбора священнослужителя. Он может предупредить, но не обязан.

Нельзя не отметить и тот факт, что некоторые религиозные учения не признают однозначно тайну исповеди и таинство покаяния: «...протестантизм, в отличие от православия и католицизма, не признает мистического смысла церковных таинств, в большинстве протестантских течений совершаются лишь крещение и причащение, которые рассматриваются просто как символические обряды, не отличающиеся от всех иных» [12, с. 48].

Кроме того, указанное очевидно выявляет еще две проблемы. А именно, в соответствии с ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации все граждане равны перед законом и судом, и то, что ислам, иудаизм, буддизм не дают четкого ответа либо вообще не затрагивают нравственную ценность феномена исповеди. Данный вопрос не всегда и не везде урегулирован каноническим правом.

Исходя из всего вышеизложенного можно с уверенностью констатировать тот факт, что

именно за священнослужителем остается право принять и реализовать предоставленные ему сведения, полученные в ходе исповеди путем передачи правоохранительным органам для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в случаях, когда сам священнослужитель добровольно готов это сделать по собственному желанию, следуя своему внутреннему убеждению, моральному долгу или иному побуждающему фактору.

Как мы уже выяснили ранее, священнослужитель по собственной инициативе может передать полученные из исповеди сведения о готовящемся или совершенном преступлении путем обращения в правоохранительные органы с сообщением о преступлении. Но в то же время из абз. 3 ст. 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений [13]. Из изложенного следует, что если информация о готовящемся или совершенном преступлении, о котором стало известно из исповеди, передается священнослужителем не конфиденциально, она может быть реализована правоохранительными органами. В том же случае, если она представлена священнослужителем добровольно, согласно собственному желанию и внутреннему убеждению, но конфиденциально данная информация не может быть реализована, но вместе с тем может быть использована органами для получения официального подтверждения.

Таким образом, отечественный уголовно-процессуальный закон не ограничивает саму возможность принятия сообщения о преступлении в виде заявления от священнослужителя, но из этого не следует, что у него имеется обязанность в каждом случае сообщать о совершенном или готовящемся преступлении. С одной стороны, священнослужитель защищен от возможности быть привлеченным к уголовной ответственности за укрывательство преступления, а с другой стороны, сам и по собственной инициативе может передать в правоохранительные органы сведения о совершенном преступлении. В свою очередь, правоохранительные органы в лице соответствующих должностных лиц обязаны сообщением принять, за-

регистрировать и провести в установленном законом порядке проверку, а при необходимости и имеющихся на то оснований, принять решение о возбуждении уголовного дела.

В завершении нельзя не сказать о том, что в описываемой ситуации возникает очевидное и острое противоречие между реализацией своего процессуального права как гражданина и сохранением верности каноническим предписаниям, религиозным устоям и традициям церкви, а также духу и сути служения, смыслом своей деятельности в качестве священно-

служителя. Служитель культа не может быть обязан государством информировать о сведениях, полученных в процессе исполнения тайны исповеди, но в условиях морального выбора право нравственного выбора должно оставаться за человеком. Человек не может принадлежать только церкви, он остается полноправным гражданином общества и государство несет полную ответственность и за его безопасность, следовательно, оно имеет право надеяться и на его адекватное участие в обеспечении правопорядка.

Литература

1. Волосанова Н.Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. № 3. 2015.
2. Будников В.Л. Иммуниет свидетеля в уголовном процессе: лекция. Волгоград, 1998.
3. Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди? // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» // СПС Консультант Плюс.
5. Определением Конституционного суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 108-О // СПС Консультант Плюс.
6. Евсеенко В.Е. Тайна исповеди в российском уголовном судопроизводстве // Международный научно-практический журнал «Общество и право». № 2. 2014.
7. URL: <https://www.azbyka.ru/dictionary/18taynaispovedi.shtml>.
8. Кодекс канонического права. Codex Iuris Canonici. М., 2007.
9. Регламент (устав) Духовной коллегии, изданный 25.01.1721 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Т. 6. № 3718.
10. Тайна исповеди // Полный православный богословский энциклопедический словарь «Богословская энциклопедия». 2005.
11. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. № 8.
12. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
13. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС Консультант Плюс.

Bibliography

1. Volosanova N.Y. On the secret of confession and witness immunity of a clergyman in criminal proceedings. Bulletin of the Orenburg state University. № 3, 2015.
2. Budnikov V.L. Witness Immunity in criminal proceedings: lecture. Volgograd, 1998.
3. Pchelintsev A.V. Is the secret of confession Absolute? LRS ConsultantPlus.
4. Federal law № 125-FZ of 26.09.1997 «On freedom of conscience and religious associations». LRS ConsultantPlus.
5. Definition of the constitutional court of the Russian Federation of 06.03.2003 № 108-O. LRS Consultant Plus.
6. Evseenko V.E. the Secret of confession in Russian criminal proceedings. International scientific and practical journal «Society and law». № 2. 2014.
7. URL: <https://www.azbyka.ru/dictionary/18taynaispovedi.shtml>.
8. Code of Canon law. Codex Iuris Canonici. Moscow, 2007.
9. Regulations (articles of Association) Ecclesiastical College, published 25.01.1721. Complete collection of laws of the Russian Empire, Saint Petersburg, 1899. V. 6. № 3718.
10. The Secret of confession. Complete Orthodox theological encyclopedia «Theological encyclopedia». 2005.
11. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. Information Bulletin. Department for external Church relations of the Moscow Patriarchate. 2000. № 8.
12. Kipnis N.M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. Moscow, 1995.
13. Federal law № 144-FZ of 12.08.1995 «On operational search activities». LRS Consultant-Plus.